

УДК341.312"1914/1918"

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-1-146-153

Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г.Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУССИОННЫЕ МОМЕНТЫ

Аннотация. Целью данной статьи является критическое переосмысление ключевых догм, обосновывающих причины развязывания Первой мировой войны исключительно субъективными заблуждениями политических деятелей данной эпохи либо объективными закономерностями исторического процесса. Научная новизна исследования заключается в выработке более целостного видения первопричин развязывания Первой мировой войны. Автор показывает, что Первая мировая война стала органическим результатом становления в Европе национальных государств, опирающихся на демократические механизмы легитимации внешнеполитических целей.

Ключевые слова: Первая мировая война, идеология, объективные и субъективные факторы, конфликт, стратегия, марксизм, национализм, пропаганда.

LAVITSKAYA M.I., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Theory of Law and Comparative Law. Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS OF THE WORLD WAR I OUTBREAK: THE POINTS OF DISCUSSION

Abstract. The purpose of this article is to rethink critically the key dogmas justifying the reasons for the First World War outbreak exclusively by the given era political figures' subjective delusions or by the objective laws of the historical process. The scientific novelty of the study is to develop a more holistic vision of the root causes of the First World War outbreak. The author shows that the First World War was an organic result of national states formation in Europe, based on democratic mechanisms of foreign policy goals legitimation.

Keywords: the First World War, ideology, objective and subjective factors, conflict, strategy, Marxism, nationalism, propaganda.

Введение. Катастрофический ход Первой мировой войны для европейских народов и империй радикально разошёлся с ожиданиями тогдашних обществ и элит и по социально-политическим последствиям, и по военной специфике. Уже по завершении манёвренного периода боевых действий происходящее подверглось рефлексии в военных кругах, политическом истеблишменте и интеллектуальной элите. Главным вопросом первоначальных обсуждений было нахождение причин разрастания конфликта до мирового масштаба, затем к нему прибавилось установление новых закономерностей ведения войн на современном этапе, не соответствовавших господствовавшим до того представлениям военных стратегов, из которых выводились планы политиков.

Изначальное восприятие войны следовало событийной канве разгоревшегося конфликта и трактовало именно такой исход как результат цепочки ошибок политиков и дипломатов, не просчитавших высокую вероятность глобальной катастрофы вследствие принимаемых решений. Однако со временем всё большее число исследователей приходило к выводу о неслучайном характере глобальной войны, о её запрограммированности объективной конфигурацией международного концерта и внутренних социально-политических противоречий крупнейших участников. Многочисленные свидетельства современников, изыскания историков и архивные документы складываются в картину глубокого кризиса европейской цивилизации, в которой общественно-политическая мысль и военно-стратегические представления не отвечали уровню социального развития и возможностям разработанных к тому времени технологий. Однако огромное количество значимых факторов, определённых этими исследованиями, обернулось ослаблением внимания к ключевым вопросам, в которых была допущена

ошибка лицами, принимавшими решения, – оценке масштаба грядущего конфликта и степени манёвренности современной войны.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной отрефлексированностью тематики Первой мировой войны в отечественной науке и исторической памяти. Бытующие в российском информационном пространстве нарративы сформулированы в чрезмерно идеологизированном, догматическом ключе, поскольку долгое время трактовка событий Первой мировой войны была неотъемлемым элементом общей картины русской истории начала XX века, насаждаемой доминирующими в отечественном сознании идеологическими течениями. *Целью* данной статьи является критическое переосмысление ключевых догм и идеологем, сводящих причины развязывания Первой мировой войны исключительно к субъективным заблуждениям политических деятелей данной эпохи либо к объективным закономерностям исторического процесса, не зависящим от воли задействованных на том этапе субъектов. Для достижения указанной цели необходимо выявить базовый круг подобных идеологем, распространённых в отечественной среде преимущественно в русле марксистских построений и военно-стратегической мысли, и рассмотреть их с учётом комплекса обстоятельств и факторов рассматриваемой эпохи в соответствии с принципом историзма. Таким образом, основным *методом исследования* в статье является критический анализ, сочетающий макроструктурную перспективу с точкой зрения с позиции сложившейся конъюнктуры конкретного исторического периода. *Теоретическую базу* исследования составляют как классические работы Б. Лиддел-Гарта [4], Б. Такман [6; 7], М. Макмиллан [5], так и современные западные академические публикации, представляющие альтернативный взгляд на

истоки Первой мировой войны, в том числе монографии Г. Мартеля [8], А. Розе [12], А. Момбауэр [11], С. МакМикина [9] и коллективные монографии о политических и военных первопричинах Великой войны [10; 13]. *Практическая значимость* исследования заключается в формировании условий для преодоления идеологизированного видения событий Первой мировой войны в отечественном политическом сознании и выработке более сбалансированного подхода к анализу исторических процессов начала XX века, в том числе для использования в педагогическом процессе, и формировании государственной политики исторической памяти России.

Основная часть.

Несмотря на индустриальный характер войн, устоявшийся к тому времени, в военно-политических элитах Великих держав по-прежнему господствовали представления, что новой войне будет свойственен характер и особенности, присущие войнам XIX века. Это порождало опасную иллюзию о неизбежно скоротечном характере возможной войны и о том, что ожидаемый после неё мир будет лучше довоенного [4, С. 386].

Надо сказать, что отдельные наблюдатели уходили от этих ошибочных представлений ещё в 70-80-х годах XIX века. Так, Ф. Энгельс описал будущую войну следующим образом: «...для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга, и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда ещё не объедали тучи саранчи. Опустошение, причинённое Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее

одичание, как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; всё это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны»[3].

В то же время описание конкретных факторов, которые приведут к такому исходу, в марксистской идеологии отличалось игнорированием культурных и организационно-политических причин на фоне гипертрофированного экономического и классового аспекта. В частности, это приводит к неспособности марксизма объяснить развязывание мировой войны, очевидно экономически невыгодной для буржуазии участвующих стран, которая в рамках марксистской идеологии была заинтересована в боевых действиях именно по экономическим причинам. Европейский марксизм рассматривал международные противоречия через призму полемики с гегельянством и позиционировал кризис, приведший к Первой мировой войне, как структурный кризис капитализма. Развивающийся капитализм обеспечивал передовым европейским державам огромное научно-техническое превосходство над всем остальным миром, который в эпоху викторианской Англии был «ареной» для Большой игры крупнейших империй. Но к началу XX века сильных капиталистических держав стало слишком много, в то время как рынков и колоний для них стало слишком мало, что и вело к нарастанию сначала торгово-промышленной, а затем и военно-политической конкуренции. Локальные кризисы и локальные войны конца XIX – начала XX веков систематически создавали угрозу втягивания в неё других Великих держав, что подчеркивало нарастающую глобальность кризиса

европейского империализма. Главными пружинами этого конфликта являлось соперничество Германии и Англии в сфере промышленного производства и морских вооружений, а также реваншизм Франции, которая хотела отобрать у Германии Эльзас и Лотарингию. Дополнительную напряжённость создавала «Балканская пороховая бочка», где Россия, Австро-Венгрия и Турция традиционно воевали за сферы влияния. Эти конфликты, которые давно были институализированы как «вековые», в рамках империалистической борьбы тростов и крупных компаний за новые рынки сбыта постепенно обретали иное звучание, где первопричиной становилась экономика, а не устаревшие идеологические, политические и религиозные догматы.

При этом описание в марксизме внутривнутриполитических аспектов, подталкивавших правящий истеблишмент европейских стран к началу и продолжению войны, тоже отличалось однобокостью. В рамках свойственного ему подхода развитие капитализма неизбежно затрагивало и вопрос государственной власти, которая в Европе конца XIX века в значительной мере оставалась монархической. Великая Французская Революция и революции 1848 года не смогли в полной мере решить вопрос европейского абсолютизма, который в ходе войны пытался решить вопрос самовывживания, рассматривая конфликт через призму «маленькой победоносной войны», которая должна укрепить внутреннюю стабильность режима и его внешнеполитический престиж. Для классических абсолютных монархий (например, в Российской или Австро-Венгерской империях) такая война была чревата огромными рисками, связанными с постоянной угрозой буржуазной революции, но для определенных кругов она была желанной как с точки зрения возможных экономических выгод, так и с позиции укрепления позиций абсолютизма. Эти идеи были крайне опасны при росте политической созна-

тельности масс, так как военные поражения внутренне непрочных режимов еще в XIX веке часто вели к революционным потрясениям. Поражение Франции в войне 1870-1871 гг. вызвало к жизни Парижскую Коммуну, а поражение России в войне с Японией во многом привело к революции 1905-1907 гг. Тем не менее, правящие элиты должных выводов из этих революций не извлекли и рассматривали начинающуюся войну как возможность за несколько месяцев обеспечить укрепление государства. Маркс и Энгельс видели комплекс причин кризиса, приводящих к подобным потрясениям, в устройстве капитализма. Таким образом, в рамках марксизма элитам государств приписывается устойчивое самоубийственное поведение вопреки своим интересам, в то время как внутривнутриполитические факторы, толкавшие элиты к такому поведению, игнорируются. Например, игнорируется активная поддержка войны парламентами и входящими в них политическими партиями, не представляющими правящие (с точки зрения марксизма) классы. С другой стороны, игнорируется более сдержанное поведение абсолютистских монархий в войнах «большого XIX века»: в рамках приведенного нами марксистского объяснения получается, что правящие режимы поступили не только вопреки своим интересам, но и вопреки своему предыдущему успешному опыту, игнорируя неудачи безуспешного. Характерно, что в известном пророчестве, содержащемся в записке П. Дурново для Николая II [2], которая обычно представляется примером игнорирования абсолютистской монархией здравых предупреждений, четко очерчено, что именно нерелевантные националистические ожидания масс и возможность их влияния на элиту приведёт к дестабилизации политической обстановки, то есть, эта записка как раз указывает факторы катастрофического хода войны, связанного с уходом от абсолютизма.

В свою очередь, марксизм представляет рост национализма, милитаризма и шовинизма масс естественным следствием развития капитализма в период нарастания кризиса, что приводило и к кризисным социальным явлениям: на второй план уходил человек «золотого века» с его рационализмом и гуманизмом. Военно-патриотический угар 1914 года представляется марксизмом только как конструкт государственной пропаганды растущих империалистических держав, апеллирующих к чувству превосходства, исключительности и реваншизма, в то же время обходится вопрос, какие изменения политического устройства вызвали необходимость оголтелой пропаганды.

Между тем, именно изменившийся внутриполитический климат, в частности, рост национализма и демократизация, увеличившаяся зависимость правительств от собственной пропаганды и реализации национальных интересов (в распространённом тогда понимании последних) входили в число важнейших факторов, блокировавших возможные компромиссы воюющих сторон. Наряду с формированием глобальных военных союзов, резким ростом связности территорий, увеличением роли широких масс в жизни государств это с неизбежностью вело к росту масштабности конфликта как по степени вовлечения стран-участников в боевые действия, приобретающей тотальный характер с общей мобилизацией экономики и людских резервов на военные нужды, так и по продолжительности развернувшегося конфликта.

Второй круг неправильно оценённых факторов был связан с военно-стратегическими аспектами. На основе концепции Клаузевица, оказавшей огромное влияние на мировоззрение военно-политических элит конца XIX – начала XX века [4, С. 386], сформулировалось представление, что разрешением вопроса борьбы будет ограниченное по времени сражение, где

одна из сторон разобьёт другую, достигнув тем самым цели войны. При этом не до конца учитывался вопрос взрывного роста численности армий и отставание темпов операций от совершенствования средств обороны и поражения живой силы.

Уроки кровопролитных войн начала XX века и, в первую очередь, русско-японской войны показывали, что техническое совершенствование средств уничтожения может привести к многократному увеличению потерь, значительных даже для массовых призывных армий. Но в силу сохранения возможностей для манёвра, вплоть до начала Первой мировой войны, считалось, что война по-прежнему может вестись путем активного наступления больших армий, которые сохраняют определённое пространство для манёвра и решают исход войны в рамках генерального сражения. В этой связи отставание военной теории от изменившихся реалий войны обуславливало агрессивный характер стратегических планов у всех Великих держав.

Однако даже наиболее совершенный в военном отношении план Шлиффена, который должен был решить проблему лобового столкновения через манёвр, содержал в себе тенденции к созданию позиционного фронта. И как только исполнители допустили неочевидные ошибки, все те факторы, которые пытался обойти Шлиффен в попытках победить в войне одним решительным ударом, неизбежно сыграли против Германии. Совершая охват через Бельгию и Северную Францию, Германия все равно пришла к затяжному фронтальному столкновению, которое так и не стало победным [4, С. 182]. Так, уже в Пограничном сражении проявилась ужасающая мощь артиллерийского огня, который тормозил наступление значительных масс пехоты. В битве на Марне линия фронта всё чаще проходила именно там, где артиллерия создавала неодолимую стену

огня. Ещё до появления сплошных окопов, рядов колючей проволоки и насыщения пехоты пулемётами пехота как основная ударная сила всех войн прошедших веков уже не могла самостоятельно наступать [1, С. 262]. Поэтому спустя полтора месяца после начала войны стратегические планы сторон рушились один за другим из-за их несоответствия новой реальности. Возник позиционный фронт, который генеральные штабы воюющих сторон пытались преодолеть на всё том же устаревшем теоретическом базисе – через массирование пехоты и артиллерии на ключевом участке в духе базовой концепции Клаузевица. Новые технические средства – танки, авиация и отравляющие газы – подчинялись основной цели: прорыву позиционного фронта.

Именно это стремление оказалось главной ошибкой аналитической стратегии: прорывая с огромными потерями или с помощью технологический решений позиционный фронт, стороны не успевали достичь решающих успехов, так как армии стали настолько большими, что участки прорыва неизбежно закрывались резервами, которые за счёт внутренних коммуникаций всегда прибывали раньше резервов наступающего войска. В итоге фронт опять становился позиционным, а захваченные участки, как правило, не стоили огромных человеческих потерь и материальных затрат. Декларируя приверженность идеям наступления и решающего сражения, генеральные штабы сторон критически недооценивали тот факт, что для преодоления сопротивления новых средств поражения, предоставляемых НТП, требовались совсем иные темпы военных операций и, соответственно, совершенно иная организация мобильности армии [1, С. 239]. Такие решения были найдены лишь в 20-30-е годы, когда на основе анализа хода войны военные теоретики Германии, Англии и СССР пришли к выводу,

что новые технологические и организационные решения позволяют решить проблему позиционного фронта. Но, чтобы это понять, потребовалось четыре года мирового противостояния и несколько лет аналитической работы выдающихся военных стратегов. Во время Первой мировой это отставание не было вовремя выявлено и проанализировано, что и привело к целой серии роковых заблуждений, предопределивших характер Первой мировой войны как индустрии уничтожения людей в попытках вырваться из тупика позиционного фронта. В итоге ошибочные представления XIX века сначала привели к роковой недооценке угрозы и характера войны, а затем и к огромным жертвам в попытках упорствовать в этих заблуждениях на кровавых полях Вердена, Пашендала и Соммы.

Заключительная часть. Трагедия Первой мировой войны стала следствием объективных противоречий, накапливавшихся в течение довоенных десятилетий и готовивших, с одной стороны, горючий материал для будущего мирового пожара, с другой, тормозивших развитие адекватного понимания происходящего и способствовавших серии субъективных ошибок политических и военных руководителей, живших в плену устаревших представлений и неспособных осознать всей серьезности ситуации с учетом новых данных. Среди уроков Первой мировой, таким образом, остаётся не только насущная необходимость своевременного разрешения возникающих в международных отношениях и внутренней политике противоречий, но и постоянная потребность в качественной рефлексии, адекватно отражающей современный этап развития человечества и конкретных стран, выявляющей возникающие противоречия и угрозы, дающей качественные предсказательные модели и позволяющей просчитать последствия принимаемых решений.

Таким образом, Первая мировая война ста-

ла органическим результатом становления в Европе национальных государств, опирающихся на демократические популистские механизмы легитимации империалистических устремлений к получению односторонних преимуществ в межстрановой конкуренции, в то время не ограниченных катастрофическим опытом войн масштаба индустриальной эпохи и соответствующим развитием антивоенных внутриполитических течений; эти же внутриполитические факторы способствовали затягиванию войны после перехода её к стадии устойчивого позиционного противостояния, вызванного уникальным сочетанием технологических и общеэкономических условий того времени.

Библиография:

1. Галактионов М.Р. Париж, 1914. Темпы операций. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 299 с.
2. Записка П.Н. Дурново Николаю II [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/21444> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 36. Пророческие слова [Электронный ресурс]. – URL: <http://leninism.su/works.html> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 656 с.
5. Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал Первую мировую / Пер. с англ. Е.Г. Пантелеева, Е.А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2016. – 719 с.
6. Такман Б. Августовские пушки / пер. с англ. А. Милюкова. – М.: Астрель, 2012. – 571 с.
7. Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890-1914. [пер. с англ. И. В. Лобанова]. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 640 с.
8. Лавицкая М.И. Эволюция сословного общества Орловской губернии в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2010.
9. Martel G. Origins of the First World War. 4th edition. – London: Routledge, 2017. – 188 p.
10. McMeekin S. The Russian origins of the First World War. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 324 p.
11. Military Strategy and the Origins of the First World War / Edited by Sean M. Lynn-Jones, Steven E. Miller and Stephen Van Evera. Revised and expanded edition. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – 301 p.
12. Mombauer A. The Origins of the First World War. Controversies and consensus. – London: Pearson Education Limited, 2002. – 256 p.
13. Rose A. Between Empire and Continent. British Foreign Policy before the First World War / Translated by Rona Johnston. – London: Berghahn Books, 2017. – 528 p.
14. The wars before the Great War: conflict and international politics before the outbreak of the First World War / edited by Dominik Geppert, William Mulligan, and Andreas Rose. – Cambridge University Press, 2015. – 378 p.
15. Yastrebova A.I., Salomatkin A.S., Dzhavakhyan R.M., Redkous V.M., Filonov V.I. Civil public organizations for providing a public order and their role in forming of civil society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – Т.7. – №2. – P.417–425.
16. Pevtsova E.A., Pevtsova N.S., Lavitskaya M.I., Redkous V.M., Matveeva E.S. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in

science and education» (ITSE 2020).2020. – С. 17023.

References:

1. Galaktionov M.R. (2001) Parizh, 1914. Tempy operatsiy [Paris, 1914. The pace of operations]. – М.: Izdatel'stvo AST. – 299 s. (In Russ.).

2. Zapiska P.N. Durnovo Nikolayu II [Durnovo to Nicholas II][Elektronnyy resurs]. – URL: <http://istmat.info/node/21444> (data obrashcheniya: 10.11.2020) (In Russ.).

3. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy. Procheskiye slova [Full composition of writings. Prophetic words] Tom 36. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://leninism.su/works.html> (data obrashcheniya: 15.11.2020) (In Russ.).

4. Liddel-Gart. B. (1999) Entsiklopediya voyennogo iskusstva [Encyclopedia of Military Art]. – М.: Izdatel'stvo AST. – 656 s. (In Russ.).

5. Makmillan M. Voyna, kotoraya pokonchila s mirom. Kto i pochemu razvyazal Pervuyu mirovuyu [The war that ended the world. Who and why unleashed the First World War] / Per. s angl. Ye.G. Panteleyeva, Ye.A. Karpovoy. – М.: Tsentrpoligraf, 2016. – 719 s. (In Russ.).

6. Takman B. Avgustovskiye pushki [August guns] / per. s angl. A. Milyukova. – М.: Astrel', 2012. – 571 s. (In Russ.).

7. Takman B. Yevropa pered katastrofoy [Europe before the catastrophe]. 1890-1914. [per. s angl. I. V. Lobanova]. – М.: Izdatel'stvo AST, 2016. – 640 s. (In Russ.).

8. Lavitskaya M.I. Evolyutsiya soslovnogo obshchestva Orlovskoy gubernii v usloviyakh rossiyskoy modernizatsii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [The evolution of the estate society of the Oryol province in the conditions of Russian modernization in the second half of the XIX –early XX centuries]: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. – Moskva,

2010. (In Russ.).

9. Martel G. Origins of the First World War. 4th edition. – London: Routledge, 2017. – 188 p. (in Engl.).

10. McMeekin S. The Russian origins of the First World War. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 324 p. (in Engl.).

11. Military Strategy and the Origins of the First World War / Edited by Sean M. Lynn-Jones, Steven E. Miller and Stephen Van Evera. Revised and expanded edition. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – 301 p. (in Engl.).

12. Mombauer A. The Origins of the First World War. Controversies and consensus. – London: Pearson Education Limited, 2002. – 256 p. (in Engl.).

13. Rose A. Between Empire and Continent. British Foreign Policy before the First World War / Translated by Rona Johnston. – London: Berghahn Books, 2017. – 528 p. (in Engl.).

14. The wars before the Great War: conflict and international politics before the outbreak of the First World War / edited by Dominik Geppert, William Mulligan, and Andreas Rose. – Cambridge University Press, 2015. – 378 p. (in Engl.).

15. Yastrebova A.I., Salomatkin A.S., Dzhavakhyan R.M., Redkous V.M., Filonov V.I. Civil public organizations for providing a public order and their role in forming of civil society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – Т.7. – №2. – P.417–425. (in Engl.).

16. Pevtsova E.A., Pevtsova N.S., Lavitskaya M.I., Redkous V.M., Matveeva E.S. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education» (ITSE 2020).2020. – С. 17023. (inEngl.).